

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.112.2-1(Гете И. В.)

ББК ШЗЗ(4Гем)5-8,445

Г. Г. Ишимбаева

«Семеро спящих» И. В. Гете и 18 Сура Корана «Пещера. Аль Кахф»

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей художественного осмысления Гете 18 Суры Корана, одна притча из которой получила оригинальное истолкование в стихотворении «Семеро спящих», где достаточно свободно варьируются коранические мотивы и образы.

Ключевые слова: Суры, Коран, рецепции, немецкая литература, немецкие поэты, поэтическое творчество, немецкая поэзия.

Гете занялся изучением Корана в возрасте двадцати с небольшим лет зимой 1770–1771 гг. в Страсбурге под влиянием Гердера, теолога и выдающегося знатока древности. Автор перевода того издания, которым пользовался молодой человек, М. Д. Ф. Мегерлин, профессор из Франкфурта-на-Майне, озаглавил книгу весьма характерно: «Турецкая Библия, или самый первый перевод Корана с арабского оригинала». То есть изначально Гете воспринимал Коран как явление одного порядка с Библией, в которой, подобно Гердеру, видел прежде всего поэтический эпос жизни восточных народов. Лишь постепенно в его сознании выстроится иной ракурс восприятия Священного Писания мусульман [Ишимбаева 2006].

На протяжении всей своей жизни Гете читал и перечитывал Коран, в котором находил нечто близкое, много размышлял над сакральным исламским текстом. Немецкого классика всегда интересовал вопрос о проявлении Бога в природе через посредство бесконечных образов, то есть над центральной темой Корана. И хотя Коран не ограничивает Аллаха природой, а Гете-пантеист ставит знак равенства между Богом и природой, мусульманское мировидение более соответствует его язычеству, нежели иудейское или христианское представления. А. В. Шлегель был прав, когда назвал Гете в своей «Индийской библиотеке» (1820) «принявшим ислам язычником» и «новым ревнителем Аллаха и пророка его» [Михайлов 1988: 775].

Неудивительно, что пристрастное отношение «нового ревнителя Аллаха и пророка его» к Корану получило выражение в жизни и творчестве Гете. Так, в первое десятилетие девятнадцатого века он будет брать уро-

ки арабского языка у профессора-ориенталиста Иенского университета И. Г. Л. Козегартена, чтобы иметь возможность в подлиннике прочесть Коран и перевести его на немецкий язык, уточнив мегерлинский вариант. Проект, к сожалению, остался неосуществленным (сохранился гетевский перевод лишь первой Суры и отдельных аятов еще нескольких Сур), однако показателен сам замысел. И хотя в истории культуры нет Корана в переводе Гете, зато есть Коран, поэтически осмысленный Гете в «Западно-восточном диване» (1819, 1827) – цикле из двенадцати книг, созданном по образцу восточных стихотворных собраний, прежде всего «Дивана» персидского поэта XIV века Хафиза.

О характере творческого подхода немецкого поэта к мусульманской мифологии можно судить по его истолкованию коранических тем и образов. Гете-европеец, открывающий богатство смыслов и поэзии Корана современникам и осуществляющий культурный западно-восточный синтез, – на тематическом уровне цикла проясняет свое видение проблемы в нескольких ракурсах: с точки зрения исламских теологических дискуссий, мусульманского мировоззрения и мифологии, арабского восприятия Иисуса Христа, суфийского истолкования Корана, библейско-коранической сюжетной и идейной переклички и т. д.

Рассмотрим особенности гетевской рецепции Корана на примере одного стихотворения из «Хулд-наме. Книги Рая», последней части «Западно-восточного дивана». В притче-параболе «Семеро спящих» Гете воспользовался раннехристианской легендой восточного происхождения, отраженной в 18 Суре Корана «Пещера. Аль Кахф» [Коран 2003: 322-333].

В истории о «семи спящих отроках» рассказывается о первых христианах малоазийского города Эфес, принявших миссию Иисуса Христа и за то подвергшихся гонениям в царствование Деция. Отказавшиеся приносить жертвы римским богам, они были замурованы в одной из пещер, где уснули на несколько столетий. Проснулись они уже «в эпоху расцвета христианства, примерно 400 лет спустя после отшествия Иисуса» [Порохова 2003: 725]. «Семь спящих отроков» почитаются как святые католической церковью, их пробуждение через столетия трактуется в Коране как Господнее знамение, как явленное, материализованное могущество Аллаха.

Фольклорный сюжет о заснувшем надолго (на десятилетия, по крайней мере) человеке, который просыпается таким же молодым, как и уснул, волновал многих писателей и мыслителей в силу своей общей идейной направленности: при определенных обстоятельствах можно победить время и заставить его прекратить свой бег. Вспомним в этой связи Диогена Лаэртского, приводящего греческую легенду об Эпимениде, В. Ирвинга с его Рип Ван Винклем, А. С. Пушкина с его Спящей царевной. Гете в меньшей степени интересуют фантастические аспек-

ты летаргического сна, в большей – те, что связаны с нравственно-этическими проблемами.

Первой среди них следует назвать проблему свободного выбора, которую по-разному решают некий государь и «шесть любимцев государя» [Гете 1988: 132], «Sechs Begünstigte des Hofes» [Goethe 1988: 121]. Властитель, пребывающий в гордыне, погрязший в суеде земного бытия и тщющийся встать вровень с Богом, подпадает под власть Вельзевула, «князя демонов», «повелителя мух». Гете не называет прямо упомянутого в Ветхом Завете бога филистимлян Баал-Зебуба, но точно определяет его, во-первых, при помощи слова – «die Fliege», «Fliegengottes Abgesandter» [Goethe 1988: 121], «бог мушиный» [Гете 1988: 132], во-вторых, используя сюжетную ситуацию. Юные государевы фавориты бегут от дьявольского наваждения и дьявольских происков в пещеру, где их приютил пастух со своей собакой с перебитой лапой.

Напрямую с экзистенциальной проблемой выбора связана проблема барочного характера, свое классическое выражение получившая в максиме Кальдерона «Жизнь есть сон». Нечестивой жизни под водительством Вельзевула «любимцы Сна» [Гете 1988: 133], «Lieblingen des Schlafes» [Goethe 1988: 121] предпочитают благочестивый сон. Собственно барочная формула наполняется у Гете религиозным содержанием: сон в пещере означает для героев пребывание в раю. Попытка вернуться в земной мир, мотивированная тем, что вход в пещеру открылся, отроки проснулись и один из них отправился за хлебом, закончилась провалом. Дольный мир оказался несовершенным, его обитатели погрязли в пороках и нечестивых помыслах, поэтому герои вместе с «восьмым сонливцем – песиком» [Гете 1988: 135] навсегда покидают его.

В воссоздании сюжета Гете близок к его коранической версии, хотя и не следует ей в точности, расцветивая многие ходы притчи из Суры 18 «Пещера. Аль Кахф» красками своего воображения. Вот один характерный пример.

История о походе отрока за хлебом в Коране передается лапидарно: по воле Аллаха один юноша с оставшейся еще от прежней жизни серебряной монетой отправляется в город, получив наказ вести себя скромно и никому не рассказывать о чудесном происшествии:

«Ведь если обнаружат они вас,
то забросают вас камнями
или принудят веру их принять, –
тогда вам никогда не знать Господней

благодати» [Коран 2003: 324].

У Гете из этих нескольких строк вырастает настоящая психологическая новелла, героем которой является Ямблика Прекрасный. Юноша решается идти за съестным и рисковать жизнью, когда замечает, что другие трусят. Дальнейшее повествование об этом походе в пекар-

ню показывает, что предприятие действительно непростое: старинная монета, которой Ямблика хотел расплатиться за хлеб, стала предметом алчных желаний булочника, короля-торгаша и всех его подданных, которые озабочены в первую очередь тем, чтобы доказать свое право на часть старинного клада.

В 18 Суре Корана история спящих отроков не единственная, следом за ней идут притчи о двух соседях-садоводах, о Мусе (Моисее) и Зуль-Карнайне (Александре Македонском). В них рассмотрены разные аспекты одной проблемы, связанной с незрячестью имеющих глаза и уши нечестивцев, которые будут наказаны. В финале 18 Суры речь идет об отвергнувших знамение Господнее нечестивых Гоге и Магоге, которые были отринуты Богом и отделены выстроенной Зуль-Карнайном железной стеной от прочего мира [Коран 2003: 332]. Гете не поднимает эту тему, обрывая свою историю мотивом райского блаженства, которое заслужили те, кто уверовал в Единого Бога неба и земли. В его поэтической Вселенной притча о семерых спящих юношах имеет принципиально иное разрешение: отделенными от мира оказываются отроки и их верный пес, добровольно остающиеся в пещере, вход в которую снова замурован.

Таким образом, в завершающем «Хулд-наме. Книгу Рая» стихотворении Гете достаточно свободно варьирует образы, темы и мотивы Корана, психологизирует основное действие, прорисовывает детали, получая в итоге то, что можно назвать кораническими вариациями европейца. Коран, несомненно, вдохновил его на творчество, стимулировал воображение, стал для него настоящей сокровищницей тем и образов. Но исконно кораническая матрица не просто дублируется, но художественно осваивается в процессе индивидуального осмысления и истолкования Корана.

Литература

Гете И. В. Семеро спящих // Гете И. В. Западно-восточный диван / пер. В. В. Левика; изд. подг. И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. – М.: Наука, 1988. – С. 132-135.

Ишимбаева Г. Г. И. В. Гете и проблемы диалога Запада и Востока. – Уфа: Гилем, 2006. – 296 с.

Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман В. Пороховой. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – 800 с.

Михайлов А. В. Примечания // Гете И. В. Западно-восточный диван / изд. подг. И. С. Брагинский, А. В. Михайлов. – М.: Наука, 1988. – С. 709-878.

Порохова В. М. Комментарии (Тафсир) // Коран / перевод смыслов и комментарии Иман В. Пороховой. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. – С. 641-789.

Goethe J. W. Siebenschlaefer // Goethe J.W. West-oestlicher Divan / Hrsg. H.-J. Weitz. – Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1988. – S. 121-123.